

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И «РАЗУМНАЯ» МЫСЛЕТЕХНИКА

О. С. АНИСИМОВ

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

The Effectiveness of Strategic Thinking and «Wise» Thinking Technique

O. S. Anisimov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

В статье обсуждается проблема эффективного стратегического мышления. Вводится критерий «эффективности», в отличие от «результативности». Рассматривается соотношение и противоречие между технологической формой мышления и ресурсным обеспечением, главную роль в котором играет субъективность. Подчеркивается сложный, многоуровневый механизм стратегического мышления как зависимый от логического и онтологического обеспечения. Указываются условия порождения эффективности в стратегическом мышлении.

Ключевые слова: результативность, эффективность, мышление, мыслетехника, рефлексия, технология, ресурсы, управление, культура, культура мышления.

The article discusses the problem of effective strategic thinking. It introduces the criterion of «effectiveness», as opposed to «efficiency». Author discusses the relation and the contradiction between the technological form of thinking and resources availability, the main role in which plays subjectivity. He emphasizes complex, multi-level mechanism of strategic thinking as dependent on logical and ontological components available. Article specifies the conditions to generate efficiency in strategic thinking.

Key words: effectiveness, efficiency, thinking, thinking technic, reflection, technology, resources, management, management thinking, strategy, strategic thinking, culture, intellectual thinking.

В сфере экономики, организации различных типов и форм деятельности термин «эффективность» является не только привычным, но и ключевым при оценке деятельности, при подчеркивании ее положительных черт. Близким к этому термину предстает термин «результативность», обращающий внимание на успешность по конечному результату.

При введении средств экономического анализа цикл движения капиталов включает и деятельность, и обращенность к финансированию как к специфическому ресурсу осуществления торговых операций. Следуя введенному пониманию эффективности варьируя сочетанием целедостижения и затратами ресурсов можно управлять эффективностью [21, с. 9]. В целом деятельности входит постановка целей, планирование, наполнение, контроль, анализ, управленческих воздействий, корректирование и анализ позволяет выявлять причины осложнений, отклонений процесса от намеченного в плане [21, с. 21].

Следовательно, при рассмотрении эффективности должны быть учтены все эти факторы. Если организация не ограничивается воспроизводством получения

того же результата, достижением той же цели и конкурирует с другими организациями, то она может ставить задачу опережения конкурентов и для этого предусматривать трату ресурсов на развитие, наращивать величину траты [21, с. 31]. Развитие имеет свои целевые характеристики, свой план, исполнение, контроль за ходом развития по установленному плану, свой анализ отклонений и коррекции. При увеличении масштабов притязаний целевые ориентиры могут перерасти в стратегические, от которых зависит организационная структура, финансирование и др. [21, с. 31]. Тем самым, можно вести речь об эффективности и развитии. При этом организация соблюдает баланс интересов, сотрудников, менеджеров, поставщиков, власти, местной и государственной, а также свой интерес, стремится к взаимозависимости целей [21, с. 33]. Авторы утверждают, что чем интенсивнее приближение к цели за единицу времени, тем больше эффективность [21, с. 34].

Мы видим, что в управлении могут быть «вещно-ориентированные» цели, достижение которых предполагает преобразовательное воздействие на исходное состояние, принуждение к смене состояния и т.п., могут

быть цели организационно-структурными, характер достижения которых резко отличается от первого типа целей и их достижения, цели могут быть рефлексивно-интеллектуальными и т.п. В каждом случае необходимы планирование, исполнение, ресурсное обеспечение, контроль, коррекции. Однако авторы подчеркивают, что эффективность суть баланс результата и затраченного ресурса при условии учета и требований к качеству результата [21, с. 44]. В то же время, они считают, что успех это результативность, достижение цели, хотя не забывают и о цене успеха, имея в виду минимизацию расходов на ресурсы в соответствии с нормами расходов [21, с. 95]. Для управления результатом необходимо проектировать факторную модель с причинно-следственными связями [21, с. 95]. Руководитель должен знать взаимозависимости, понимать возможные последствия действий, влияющих на результат [21, с. 145]. Однако рассмотрение факторов в совмещении с процессом достижения цели усложняет понимание эффективности, предполагает либо введение факторов в проект процесса и отчетность за сохранность, своевременное введение внешних и внутренних факторов, либо ситуационное реагирование и ситуационное введение факторов. Для результативности это не имеет большой значимости, так как главным выступает успех, достижение цели. А для эффективности факторная сторона имеет высокую значимость.

Следует подчеркнуть, что типовой цикл управленческой деятельности, от понимания заказа до выдачи продукта, в реальных условиях усложняется и это часто вызывает помощь со стороны математического и иного моделирования. Важно различать типы, цели и иметь способность строить факторные модели, соответствующие типу преобразовательного процесса и типу внешних условий. Экономический цикл специфичен финансовым выражением всей последовательности процессов и от каждого участника в процессуальной цепи требуют финансовый результат в рамках стоимостных показателей, с чем многие не имеют дела [21, с. 163].

Как мы видим, для придания прозрачности в слежении за процессом производства, его ресурсным обеспечением, введением финансового выражения процессов, нахождения узких мест и коррекции фактурного сопровождения требуются специфические «объектные» картины в языке теории деятельности, а затем и в экономическом языке, движимости капиталов. Однако обсуждение особенностей эффективности остается эмпирическим. Так раскрывая проблему интенсификации процессов принятия решений [2], отмечают, что эффективность и качество труда руководителя зависит от многих факторов, среди которых отмечаются такие, как руководитель, его здоровье, профессиональные возможности, способности, его взаимодействие с окружающей средой, мировоззрение, цели, интересы, потребности [2, с.150]. Все эти факторы эмпирически легко замечаемы и очевидны как влияющие на успешность и динамику управленческой деятельности. Но нет рас-

крытия сущности эффективности и ее соотносительности с результативностью. Сама по себе динамика, влияние внутренних и внешних условий не говорят о сущности эффективности. Авторы отмечают направленность в делах, принимаемых решениях, умение находить средства и возможности достижения цели, формулировать близкие и дальние цели организации, следовательно, порождать и стратегию, ставит вопросы о факторах, движущих управленческий процесс, движущих подчиненных, определять собственные возможности разнообразно ситуации, возможности коллектива, уметь работать в меняющихся условиях, учитывая изменение объекта управления и среды, видеть организацию системно, динамику ее работоспособности, соотноситься с директивно-правовой регламентацией, разрабатывать своевременные предложения и их аргументацию по изменению норм и правил в пользу повышения экономической эффективности, понимать и оценивать место «Я» работников и своей специфичности, понимать место организации в системе общественного производства, уметь использовать, где это возможно, принимать решения с применением точных, включая математических методов, оценивать управленческие решения с точки зрения принятых и возможных методов расчета социально-экономической эффективности, сохранять и усиливать в себе чувство хозяина и прививать его всему коллективу, планировать и выполнять планы как собственные, так и коллектива, использовать и управлять применением знаний и умений, стимулировать свой и коллективное творчество, объективно анализировать свою деятельность и т.п. [2, с. 154]. Однако, как отмечал Аристотель, вне введения основания невозможно доказательства и установление истинности утверждений [11]. Можно дополнить список факторов, например, готовность и способность выбирать время, наиболее благоприятное для принятия решений и их реализации, моделировать длительность протекания производственных и управленческих процессов, разрабатывать те или иные мероприятия, создавать условия для согласованности и добровольности в решении совместных производственных задач, для готовности к неожиданным предложениям, постановке новых задач и их решению, сохранению самообладания в сложных и неожиданных условиях, стремится к пониманию подчиненных и их нужд [2, с. 155]. Но это не меняет способ мышления и не вносит определенности в основание и основанного. Авторы подчеркивают необходимость в управлении уметь мыслить, гибко осмысливать различные ситуации, использовать преимущества системного подхода, роста мыслительных способностей, особенно в сюжетах необычного характера, в трудно формализуемых случаях и рекомендуют потенциал игромоделирования, в которых предполагается реализация разумных инициатив, их выработка, анализ действий, их своевременная корректировка, введение теоретических положений, касающихся действий, размышлений и выработки решений, выявление оши-

бок, их критика и обоснование правильных, перспективных решений [2, с.156, 161]. Подобные соображения реалистичны и полезны, но не приближают к ответу на вопросы о сущности эффективности. Множество таких полезных эмпирических и на основе опыта игромоделирования мы можем найти в соответствующей литературе [12, 14, 17, 23 и др.]. Учитывая динамику изменений в практике управления, часто выделяются такие факторы совершенствования эффективности, как способность приспосабливаться к внутренним и внешним изменениям, часто неожиданным, реагирование на требование окружения при сохранении себя и обеспечивая свое развитие, готовность к решению возникающих проблем и использованию их в своих интересах, сохранению чувства реальности и способности к правильному истолкованию происходящего, распределение внимания как на людей, так и на выполняемые ими задачи, что и ведет к эффективности, держа обе группы факторов, четко представляя цели и задачи, воспринимаемые как естественные исходные позиции, учитывать все факторы, оказывающие влияние на эффективность [15, с. 31—32]. Здесь начинает проявляться момент иерархизации факторов, влияющих и образующих эффективность. Подчеркивается роль целей и задач, т.е. нормирования действий, а затем и роль людей, включенных в действие, в том числе при изменении ситуации и необходимости коррекции норм, способов поведения в деятельности, включая переход к развитию способностей под изменившиеся требования.

Нередко отмечается, что эффективность применения управленческих технологий зависит от ясности представления об объекте управления как сложной системе, самостоятельном целом, имеющем свою логику развития [1, с. 13]. Тем самым, предполагается знание принципов организационного развития, применение этих знаний при постановке реалистических целей и устремлений к максимальной эффективности в условиях управления изменениями и осмысленной кадровой политики [1, с. 13]. Наряду с сохранением значимости технологической формы деятельности, вносится фактор объектной определенности воззрений об объекте управления, что отражается и на реализации требований технологии, и на совершенствовании содержания технологии, соразмерности привлекаемых к реализации кадровых ресурсов. Авторы подчеркивают необходимость учета динамики изменений объекта, а также ресурс применяемых средств управления и разнообразия таких средств является фактором повышения эффективности [1, с. 14]. Это становится особенно значимым при коренных преобразованиях в организациях, понимание которых сначала затруднено, а совершенствование прежних технологий заменяется качественно новым конструированием [1, с. 17]. Поэтому совершенствование технологий влечет за собой совершенствование и эффективности. Возникают и психологические затруднения, так как приходится принимать решения при сохранении содержательности и мыслительной не-

определенности, наличием субъективно осознаваемого риска, дискуссий, борьбы мнений, зависимых от состояния корпоративного управления [1, с. 19].

К этому могут добавляться недостатки планирования, организации деятельности, способов использования ресурсов, снижение инициативности, внутренняя конкуренция, необдуманность механизмов повышения квалификации, непрогнозируемость условий экономической деятельности в стране и т.п. [1, с. 20—24]. Выход видится в овладении культурой рационального управления, в учете лучшего зарубежного и отечественного опыта, повышении качества аналитического мышления, применении стандартов системного анализа проблемных сюжетов [2005, с. 35].

Но помимо разработки и реализации технологий управленец приводит содержание технологий в соответствии с внешними и внутренними условиями, с пониманием действий конкурентов на рынке, с глобальной ориентацией, совмещая потребности широкой ориентации с локальностью создаваемых действий, что предполагает наличие таланта и умений к порождению неслучайных умозаключений, стратегически значимых альтернатив решений [1, с. 65]. Только на этой основе дополнительно подстраивается механизм моделирования и рационализации процесса с использованием инновационной техники.

В то же время, озабоченность технологизацией дополняется и стремлением к минимизации издержек, снижению стоимости, повышению качества продукции [1, с. 101—102]. Можно отметить, что в управленческой мысли сохраняется преобладание эмпирического стиля, который позволяет фиксировать все группы факторов, в том числе наиболее значимые, но начинается и переход к введению жестких и сущностных оснований, базисных абстрактных замещений как оснований, средств для надежной и доказуемой мысли. Аналитическое самоотношение не вносит критерии и формы культуры мышления, приостанавливающие случайное нахождение и утерю существенных сторон явлений, в том числе и эффективности. Эти можно объяснить смешивание режимов управления и группировок воздействий в управленческой позиции, стратегии и тактики в управлении, изменения и развития, совершенствования и развития и т.п. остается недостаточно определенной зависимостью эффективности от наличия стратегичности управления при реализации критерия эффективности, соотносительности качества и культуры управленческого труда, зависимости между количеством и качеством труда. Отмечается и необходимость совмещения и единства методологических, организационных и технических подходов [1, с. 113]. Так системный подход трактуется как воплощение взаимосвязанности процессов [1, с. 117]. Однако в таком понимании скрывается качественное отличие структурного и системного подходов, не подкрепляется надежными понятийными критериями, оставляет эмпирическую случайность в понимании организационной системотехники, концепции це-

ленаравленных систем. Понятийная неопределенность остается в рассмотрении отличий целей, задач, проблем, прогноза. Если решение проблемы состоит в заполнении промежутка между существующей и желаемой системами, в последовательности операций, оценке, отбора альтернатив по критериям стоимости, времени, риска, эффективность с учетом отношений между предельными значениями приращения величин [1, с. 156—157], то чем это отличается от преодоления затруднений, лежащего в плоскости не столько мыслительных операций, сколько практических, как тут представлена абстрактно-объектная основа постановка проблем и задач, чем отличается оперирование от решения измененной задачи и т.п., каково здесь соотношение «неизвестных» и «искомых» в мысли. Чтобы появились «неизвестные» проблемного типа необходимы абстрактные критерии, понятийные средства в определенном типе языка, рассмотренные употребленные иначе, чем в форме решения задач. А это лежит в плоскости семиотики, а затем и логики, мыслительной культуры. Следовательно, подмена «проблемы» «затруднением» ведет к синкретическому смешиванию слоев практического и рефлексивно-мыслительного типов и тезис о том, что совершенствование организации должно вырастать из ее проблем [1, с. 159] обрастает рядом мыслительных неопределенностей и иллюзиями, так как проблемы можно выявить в оперировании идеальными объектами в их соотношении с материалом реконструкции реальных сюжетов жизни организации. Улучшение или ухудшение той или иной системы фиксируется сначала в эмпирических реконструкциях, но мыслительные утверждения, значимые для принятия решений, возникают лишь при модификации идеальных объектов с учетом эмпирического материала. Только соотнося эмпирическую плоскость рассмотрения с плоскостью оперирования идеальными объектами можно и нужно утверждать, вместе с авторами, что задача высшего руководителя состоит в конструировании процесса выработки решения и наблюдением за его действиями в ходе конструирования [1, с. 160].

С другой стороны, технологизации с трудом поддается мотивационный слой и стратегическое конструирование и они строятся индивидуализировано, под конкретную ситуационную динамику, а для их реализации, решения задач, основанных на стратегические ориентиры, требуются дополнительные знания, сопровождающая рефлексия, методологическое отношение, высокая интеллектуальность, аналитические принципы и новации, опыт использования когнитивных схем [1, с. 345—345]. Знания и методы все в большей степени признаются важными экономическими факторами, экономическими категориями, а консалтинговые услуги выделяются в отдельные направления. Но к информационным и аналитическим технологиям неприменима обычная оценка эффективности и трудно установить корреляцию размеров инвестиции в этой сфере и прибыльностью вне учета специфики опе-

рирования знаниями [1, с. 366]. Тем более, это касается интеллектуальных технологий и творчества, коллективного интеллектуального процесса в поиске и новейших разработках, проблематизации и депроблематизации, на основе самоорганизации, преодоление иерархизации, особых форм сотрудничества, в том числе в сетевых корпорациях [1, с. 374].

Тем самым, если при следовании идеи эффективности не ограничиваться простыми моделями соотношения технологических форм с соответствующими для них ресурсами и рассматривать ее реализацию во всем объеме современной практике, в любых масштабах, то неизбежно обращение к фундаментальным основаниям, абстрактным конструктам мысли, закладывая в них возможность содержательного развертывания оснований до той степени сложности, которая необходима для соотношения и адекватного удовлетворения запросов практики. Чтобы ввести базисное понятие необходимо соблюсти ряд логико-технологических условий языкового мышления на стадии создания дополнительного компонента парадигмы. В основе лежит логический принцип «уточнение», в отличие от обычно применяемого принципа «дополнения» [5]. В качестве исходного различия, которое затем подвергается уточнению и развертыванию, выступает наличие двух типов предпосылок: наличие технологии и ресурсов, необходимых для реализации технологии.

Наличие технологии предшествует переход от целеполагания к процессу достижения цели, рефлексии процесса и построению того способа достижения цели, которые предопределяет все этапы прихода к цели, если она остается той же самой.

Тем самым, описание здесь, в простейшем случае, переходит в предписание. Если результат соответствует содержанию цели, а процесс, связанный с привлечением всех составляющих ресурса, полностью соответствует требованиям технологии, то процесс его организации трактуется как «эффективные». При выходе ресурса из соответствия требованиям технологии процесс перестает быть эффективным и его результативность — ненадежной. Данное представление является не эмпирическим, а конструктивно-понятийным, в качестве исходного положения. Тем самым при наличии соответствия мы можем говорить о динамической системе «реализация нормы». Системность в соответствии с представлением Аристотеля об объектной единицы «нечто», имеет моменты формы [технология] и материи [ресурс] и эти моменты удерживают совместимость и соответствие [10]. При расхождении этих моментов, инициированной одной из сторон системное бытие прекращается. Чтобы восстановить эффективность в новых условиях осуществляется коррекция технологического содержания, следовательно, затем корректируется и ресурсное обеспечение. Тем самым, осуществляется рефлексия и по ее результатам меняется и процесс, его системные характеристики.

Поскольку стихийное, случайное сочетание исходного процесса, его рефлексии, введения перехода

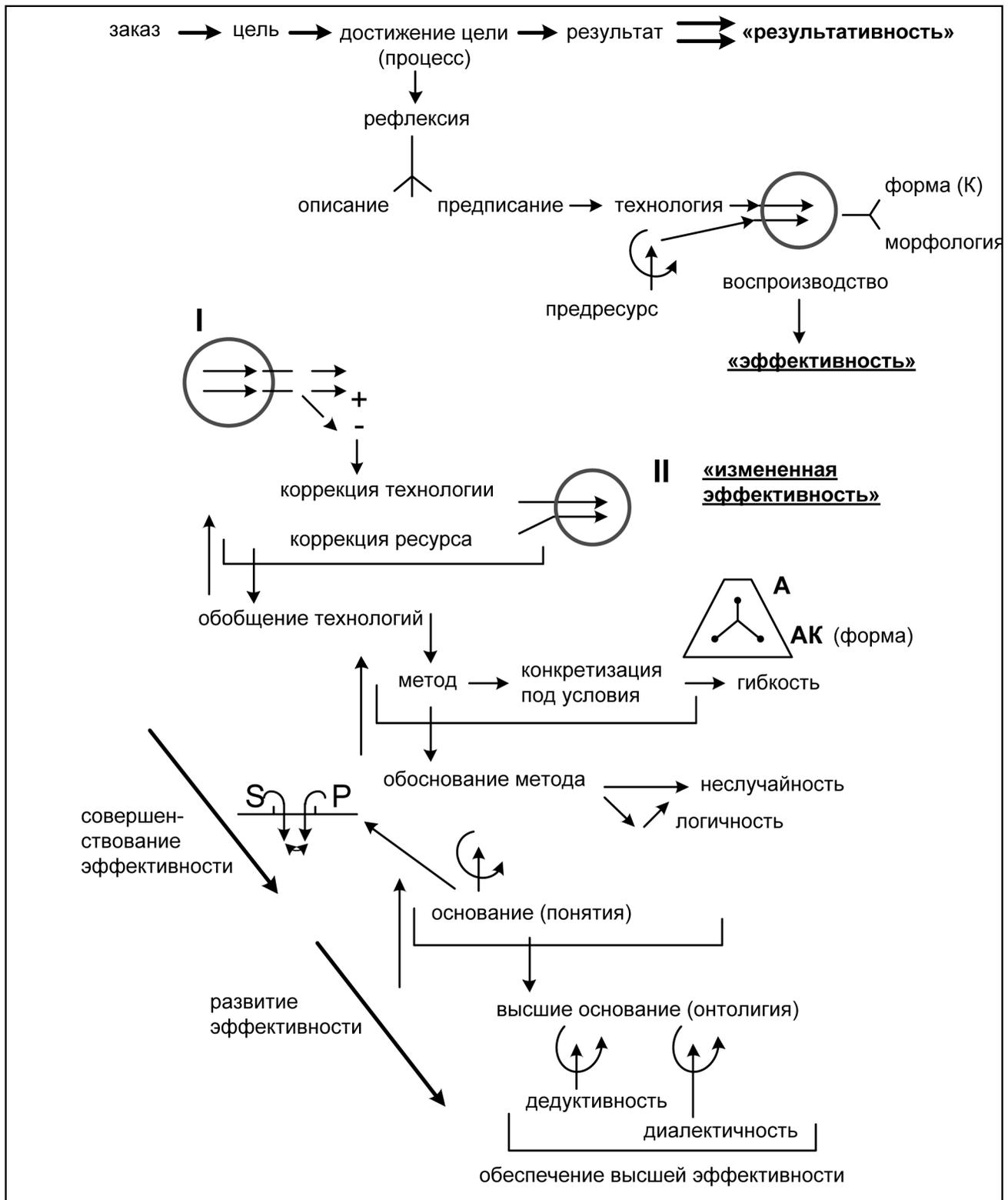
описания в предписания, установление этапов, введение внешних и внутренних факторов в качестве содержания создаваемой технологии и т.п., не гарантирует результативность и, тем более воспроизводимость процесса и результата, то неустойчивость и корректируемость системной динамики создает потребность нахождения путей совершенствования эффективности. Так как технологическое конструирование осуществляет управленец, пока он не осуществил делегирование этой функции «технологу», то совершенствование начинается с введения дополнительной информации, применяемой тем же способом, что и ранее. В данном случае изменение в лучшую сторону хотя и вероятно, но не обеспечивают надежность и успешность технологического конструирования, с точки зрения измененных притязаний и ожиданий, особенно при значительной динамике внешних и внутренних изменений. Более надежным выступает путь обобщения опыта, в том числе массива однородных технологий, что приводит к появлению метода, более абстрактной процессуально-факторной нормы. Метод предполагает разнообразные допустимые конкретизации до уровня технологий при наличии единого основания, что обеспечивает гибкость технологического переконструирования, создания иных, соответствующих меняющейся ситуации технологий. Метод вносит момент надежности и регулярности, снижение случайности технологического конструирования. Но этим стимулируется повышения уровня многофазной эффективности, которая начинает иметь изменяемость содержания при сохранении фундаментальных предпосылок совмещения норм и ресурсов.

На следующем этапе в качестве дополнительно фактора стабильности и гибкости, неслучайности эффективности предстает моделирование на введение критерия перехода от образцов к моделям, в том числе через посредство использования методов. В силу объектной содержательности критериев, выступающих в форме понятий, возможности в конструировании технологий и повышения уровня содержательности их неслучайности, совмещено с адаптивностью к меняющимся условиям, увеличиваются. На следующем этапе содержание критериев может корректироваться с учетом требований логических форм, в свою очередь вносящих большую неслучайность в содержание критериев, а затем и весь механизм прихода к технологиям. Так как применение понятий связано с различным уровнем требовательности к их применению, то вместе с ростом неслучайности мыслительной работы по созданию технологий, особую роль начинают играть факторы субъективной адекватности мыслительным процедурам. Появляется обеспечивающий технологическое конструирование процесс, требующий своей эффективности «логической» эффективности. Процесс совершенствования исходной эффективности может быть продолжен за счет перехода к использованию в качестве критериального сервиса высших понятий и онтологий. Они требуют еще более высоких соответ-

вий логико-онтологических требований и привлекаемых к процессу субъективного ресурса, «логико-онтологической» эффективности.

Мы привели пример развертывания усложняющейся мыслительной работы, которая обращена к обеспечению возрастающей неслучайности оснований технологического конструирования. Однако наряду с изменением содержания технологий, вовлеченность их в динамику изменений ситуации в деятельности управленца, проявлением возрастающей гибкости технологического реагирования на изменения, изменением требований к ресурсам, в том числе и к субъективному ресурсу подчиненных им интеллектуальный механизм технологического конструирования становится все более сложным и требующим от управленца возрастающего уровня самоорганизации. В целостности самоорганизации возникают слои и блоки, в которых появляются свои требования, свои технологические оформления или привлечение требований все более высокого уровня, в возрастающей мере связанных с культурой мышления. Тем самым, механизм достижения эффективности усложняется звеньями в позиции самого управленца и между слоями и уровнями эффективности в единой деятельностной кооперации устанавливается сложная кооперативная взаимозависимость и иерархизация.

Итак, сущностная характеристика «эффективности» состоит в системном совмещении технологической формы и ресурсной морфологии при диктующей роли формы. Жесткий характер формы придает определенность и воспроизводимость системе. Практическая значимость это воспроизводимости предстает как исходное условие эффективности. Однако практическая значимость изменчивости, гибкости ставит эффективность перед выбором: либо ее значимость исчезает и остается значимость результативности, либо ее значимость, но не «точечная», «временная», «локальная» и т.п., а «общая», «универсальная», «как идея» сохраняется и усложняется введением сервисов, обеспечивающих совмещение жесткости и гибкости, воспроизводимости и изменчивости. В основе разрешения противоречия лежит диалектика и ее выраженность в мыслительном механизме дедукции, обеспечивающей «повороты» в любой акцент, множественность акцентированных выведений исходя из одного, в конечном счете «вечного» основания, представленного в онтологии бытия. Именно дедукция открывает акцентировку в пользу ресурсов, адаптации формы к морфологии, но с завершением в исходном состоянии лидирующей формы, без чего нельзя вести речь об эффективности. При таком подчинении доопределяется «количественное» отношение к ресурсам. При полном подчинении ресурсов технологической форме следует считать объем ресурсов «правильным» или оптимальным для фиксированной технологии. Если удастся объем ресурсов уменьшить, то эта полезность является ситуационной и невоспроизводимой, неустойчивой. Повышение объема ресурсов для

Эффективность в управлении [пояснения в тексте].

фиксированной технологии порождает отрицательные последствия, в том числе лишние издержки и превращение ресурсов в «шлаки». Поскольку системные отношения в сюжетах эффективности предполагают самые разные варианты совмещений и колебаний в совме-

щенности, то можно поставить вопрос о степени реализации технологической и ресурсной функции и том, что такое высший уровень неслучайности совмещения. Ответ дается онтологическими принципами, которые обозначил Платон в диалогах «Федр», «Софист», «Пар-

менид», в которых изложено учение об идеях [16]. Платон рассматривал «идеи» как высшие формы для нечто в универсуме, а им приводится в соответствие любое «нечто», и только «уподобление» идее делает нечто жизнеспособным, следовательно, и морфология нечто становится вписанной в требования универсума. Сам же универсум имеет свою интегральную идею, «идею идей», выступающую в качестве первооснования всего. Следовательно, и в универсуме предполагается возможность «эффективности», но это состояние эффективности нарушается диалектикой бытия, цикликой переакцентировок, то в пользу формы, то в пользу морфологии, касающаяся и целого универсума, и частей универсума. Высшая эффективность для части, т.е. для «нечто», предстает лишь как фрагмент циклики бытия, также как и высшая неэффективность.

Применительно к обществу, стране, сферам деятельности, предприятиям, организациям и т.п. принцип эффективности подчинен всеобщим законам бытия и для аналитического отношения к практике, для поиска путей повышения эффективности систем и макросистем необходима не только парадигма системного анализа, но и метасистемного анализа, опирающаяся на совмещение философской онтологии и логической мыслетехники разумного уровня [4, 7]. Практическое применение принципа эффективности по критериям надежности, гибкости, обоснованности, рефлексивной адекватности требует от практикующего владения культурой мышления. Это наиболее очевидно, если в управлении выделяется стратегическая составляющая, в том числе в случае поиска путей привода макросистем к высшей эффективности, например, применительно к отраслям, регионам, стране в целом, к глобальному сообществу [6, 7].

Введенное нами различие «результативности» и «эффективности» не носит эмпирического характера и является понятийно-конструктивным, требующим при применении следования требованиям не столько семиотического характера, сколько логики. Более того, мы учитываем особенности анализа в стратегической позиции, которая предполагает применения «разумной» логики, логики псевдогенеза или диалектической дедукции, введенной Гегелем [8]. Результаты наших разработок, опирающихся на следование требованиям этой логики, позволяют ввести принцип: любые попытки игнорировать такой тип мыслетехники в стратегическом мышлении ведут к результатам, несоответствующим тем ожиданиям, которые имеют заказчики. Содержание результатов остается в рамках структурного уровня выражения, не достигает системности и, тем более, метасистемности, онтологичности. А это означает, что стратег не может решать управленческие задачи и проблемы и сводит управление макрообъекта к неко-

торой сумме связанных или несоотнесенных воздействий, не обеспечивающих управление, не гарантирующих достижение цели. Стратег не может строить диагностические портреты этих объектов, определить тип состояния объектов. Тем более, если объектом является страна, цивилизационная единица. Россия по своему устройству предстает как неоднородная цивилизационная целостности и в данном случае ее анализ и построение проекта будущего, стратегии цивилизационного развития превращается в сложнейшее мыслительное событие, успех которой невозможен при игнорировании указанной логики [9]. В то же время, аналитические и проектные разработки в стратегической позиции никак не связаны с применением мыслетехники «разумного» типа [13, 18, 19, 20, 24 и др.]. Попытку преодолеть рассудочный уровень анализа предпринимает приверженец технологии спектральной мыслетехники [22]. Однако при всем содержательно-эмпирическом богатстве и добросовестности рассудочного оформления материалов ведение идеальных объектов и работа с ними в технике диалектической дедукции отсутствует. Остаются невозможными результаты дискуссий в немецкой классической философии об «истинном методе», критики Канта и Фихте, осуществленной Гегелем, имеющие принципиальную значимость для разработки разумной мыслетехники именно для стратегов. В то же время, если такая мыслетехника отсутствует, то не может быть реализована идея эффективности в стратегическом мышлении. Вторым условием неэффективности предстает субъективная неготовность к сложным формам мышления, особенно к диалектической дедукции, ограниченность самоопределения в пользу достижения цели вне следования технологической форме, «напролом», отсутствие проницательности и заимствования опыта овладения новой техникой, опирающегося на принцип дополнительного обучения, обретения новых способностей. Тем самым, при учете специфики применения принципа технологического приоритета перед субъективным и иным ресурсом эффективной деятельности в случае стратегического мышления и наличия слоев обеспечения технологического конструирования, в частности, логического и онтологического, наличие указанных сдерживающих факторов является неизбежной причиной безуспешности в достижении надежных результатов стратегического анализа и проектирования. Опираясь на вышесказанное, представим эволюцию эффективности в управлении в виде концептуальной схемы (см. рисунок).

Столь же неизбежным выступает вывод о необходимости овладения разумной мыслетехникой и коррекции стандартов подготовки стратегов, стандартов самого стратегического мышления в управлении и аналитике.

Литература

1. Абдикеев Н.М., Данико Т.П., Ильдеменов С.В., Киселев А.К. Реинжиниринг бизнес-процессов. М., 2005.
2. Абух В.А., Бункин В.А. Интенсификация принятия решений. Научно-практическое пособие для руководителей. Л., 1987.
3. Анисимов О.С. Ведение в теорию деятельности. М., 2000.
4. Анисимов О.С. Основы метаналитики. Т. 1 и 2. М., 2007.

5. Анисимов О.С., Глазачев С.Н. Экологическая культура: восхождение к духу. М., 2005.
6. Анисимов О.С. Культура и духовность в мышлении стратега. М., 2012.
7. Стратегическое мышление: проблема достижения разумного уровня. М., 2012.
8. Анисимов О. С., Глазачев С. Н. Экологическая культура мышления: моделирование развития // ЭПНИ «Вестник Международной академии наук. Русская секция» (Электронный ресурс), 2013. No1: 5—15. Режим доступа: <http://www.heraldrsis.ru/online/2013/1/263/>
9. Анисимов О.С. Методологические проблемы проектирования будущего России. М., 2015.
10. Аристотель. Сочинения в 4-ех томах, том 1 М., 1976.
11. Аристотель. Сочинения в 4-ех томах, том 2 М., 1978.
12. Баранов П.В., Сазонов Б.В. Игровая форма развития коммуникации, мышления, деятельности. М., 1989.
13. Будущее и настоящее России в зеркале синергетики. Под ред. Г.Г. Малинецкого. М., 2011.
14. Котляревский Ю.А. 13 этюдов менеджмента, Киев, 2000.
15. Ниссинен И., Воутелайнен Э. Время руководителя: эффективность исполнения. М., 1988.
16. Платон. Собрание сочинений в 4-ех томах, том 2 М., 1993.
17. Розин В.М., Голубкова А.Г. Управление в мировом и российском трендах. М., 2013.
18. Симчера В.М. Как возродить экономику России. Кн. 3. Нравственная экономика. М., 2006.
19. Субето А.И. Научно-образовательное общество как основа стратегии развития России в XXI веке. СПб, 2015.
20. Сулакиин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И. Нравственное государство. От теории к проекту. М., 2015.
21. Федосеев А., Карabanов Б. Битва за эффективность. М., 2013.
22. Шелейкина Н.И. Вечный «старо-новый» мировой порядок. М., 2015.
23. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
24. Якунин В.И., Сулакиин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Строганов С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. М., 2012.

Сведения об авторе:

Анисимов Олег Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, Лауреат Премии Президента РФ в области образования, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской Академии государственной службы при Президенте РФ, руководитель методологического центра «Цивилизационные стратегии».